

ББК 63.3(2)533

Е.В. Караваева

**Призрение сирот при монастырях и женских общинах
в последней четверти XIX – начале XX в.
(на примере Томской епархии)**

E.V. Karavaeva

**Orphans Care in Monasteries and Female Communities
in the Last Quarter of XIXth – the Beginning of XXth Centuries
(by the Example of Tomsk's Diocese)**

Охарактеризована деятельность духовенства Томской епархии по устройству приютов для сирот при монастырях и женских общинах в последней четверти XIX – начале XX в. как одно из направлений в борьбе с детской заболеваемостью и смертностью. Организаторами данной деятельности являлись подвижники Русской православной церкви (РПЦ) епископ Владимир (Петров) и митрополит Макарий (Невский).

Ключевые слова: Русская православная церковь, Томская епархия, Алтайская духовная миссия, монастыри, женские общины, устройство приютов, призрение сирот, благотворительность, охрана здоровья, санитарно-гигиеническое просвещение.

В конце XIX – начале XX в. ведущие специалисты в области медицины, гигиены и санитарии признавали, что «вопрос о детской смертности в России принадлежит к числу самых основных вопросов общественного здравоохранения» [1, с. 7]. И если во второй половине XIX – начале XX в. в Европейской России инициативу в борьбе с детской смертностью взяли на себя земские врачи и учителя, то на территории Сибири и в Томской губернии в частности к решению этой проблемы Медицинский департамент наиболее активно привлекал Русскую православную церковь (РПЦ). Это объясняется отсутствием на территории Сибири земств и мизерным медицинским персоналом, особенно в сельской местности [2, с. 96], а также равномерным расселением священников и их влиянием на население в силу своих профессиональных обязанностей. Осознавая необходимость медико-санитарной подготовки духовенства, Томская духовная консистория (ТДК) по инициативе епископа Макария (Невского) в конце XIX в. во всех епархиальных учебных заведениях ввела преподавание медицины, гигиены и оспопрививания [2, с. 99; 3, с. 122–123].

Изученные нами материалы позволили выявить следующие направления деятельности духовенства в борьбе с детской заболеваемостью и смертностью: 1) распространение санитарно-гигиенических знаний о вскармливании и уходе за детьми, необходимости оспопрививания и прочего через церковную проповедь

The activity of Tomsk diocese clergy in establishing orphanages in monasteries and female communities was one of directions in the struggle against children's death and morbidity in the last quarter of XIXth – the beginning of XXth centuries. Devotees of Russian Orthodox Church bishop Vladimir (Petrov) and metropolitan Makary (Nevsky) were the organizers of this activity.

Key words: Russian Orthodox Church, Tomsk diocese, Altay spiritual mission, monasteries, female communities, organization of orphanages, orphan care, charity, health protection, sanitary-hygienic enlightenment.

и внебогослужбные собеседования; 2) практическое участие в привитии предохранительной оспы и оказании посильной медицинской помощи во время непрекращающихся эпидемий; 3) учреждение приютов для сирот; 4) устройство яслей; 5) распространение санитарных знаний через организацию и работу церковной школы; 6) оказание благотворительной помощи детям из бедных семей.

В настоящей статье характеризуется деятельность духовенства Томской епархии по устройству приютов для сирот в последней четверти XIX – начале XX в. как одно из направлений противодействия распространению детской заболеваемости и смертности. В качестве исторических источников используются неопубликованные материалы Российского государственного исторического архива (ежегодные отчеты о состоянии Томской епархии, поступавшие в Св. Синод), а также Государственного архива Томской области: указы Синода и ТДК, отчеты благочинных, настоятелей монастырей и женских общин. Кроме того, востребованы опубликованные делопроизводственные, статистические и справочные материалы.

Сироты во все времена являлись одной из наиболее незащищенных категорий детей. В исследуемый период приюты для сирот, учреждаемые епархиальной властью, устраивались только при монастырях и женских общинах, так как послушницы и монахини могли всецело посвятить себя уходу за детьми.

Еще в 1833 г. основатель Алтайской духовной миссии (АДМ) архимандрит Макарий (Глухарев) разработал проект создания общежития вдов и девиц для эффективности исполнения трудов, не совсем удобных для мужчин-миссионеров (акушерство, обучение домохозяйству, хозяйству, воспитание и обучение инородческих девочек и пр.). Кемеровский историк В.А. Овчинников сделал вывод о том, что «впервые в истории миссионерской деятельности РПЦ архимандрит Макарий создал институт женщин – помощниц для работы с новокрещенными инородками “с целями распространения через них [миссионеров] не только веры, но и русской культуры”» [4, с. 31–32]. Первый опыт женской миссионерской деятельности в этом направлении осуществила прибывшая в миссию из Москвы София де Вальмон, которая с помощью архимандрита Макария (Глухарева) в д. Майме, расположенной в 8 верстах от с. Улалы Бийского округа, завела хозяйство, школу, помогала больным, устраивала беседы и чтения [5, с. 3].

В конце XIX – начале XX в. преобладание женских монастырей и общин в АДМ (в 1916 г. из 8 женских обителей Томской епархии пять находились в ведении АДМ) объясняется установкой миссии на распространение православия через женские обители с параллельным обучением местного населения грамоте, азам медицины и правилам гигиены [4, с. 43].

Первые епархиальные сиротские приюты были основаны начальником АДМ Владимиром (Петровым) в 1875 г. – Бийский детский приют, в котором призревалось до 35 детей [6, с. 18] и приют в с. Улале [7, ст. 574]. Обслуживание приюта в Улале взяли на себя насельницы расположенной рядом Улалинской общины (учрежденной 4 мая 1863 г. и переименованной в монастырь в 1881 г.). Главной целью общины было «помогать миссии в попечении о лицах женского пола, новокрещенных из язычества, – обучение их христианству, рукоделиям и уходу за больными; призрением бесприютных, воспитанием и обучением малолетних сирот» [8, с. 31].

Улалинский приют был размещен в специально отстроенном в 1875 г. двухэтажном здании, предназначенном также и для миссионерской больницы [9, л. 12]. Приют располагался на первом этаже. На втором этаже, кроме «лечебной палаты», находились аптека, помещение для фельдшера и сестер милосердия [10, с. 15–16]. Стационар больницы был рассчитан на 20 коек. Начиная с 1875 г. она стала главным «часто посещаемым» медицинским учреждением Горного Алтая, при необходимости в ней размещали и заболевших детей приюта. Для больных с инфекционными заболеваниями было отведено специальное помещение в одном из домов миссии, пищу для которых приносили из приютской кухни [11, л. 33–33об.]. После переноса приюта в монастырь (в 1901 г.) большое двухэтажное здание было передано в ведение томско-

го Врачебного управления для Улалинской сельской лечебницы [12, с. 7]. В настоящее время в этом здании продолжает функционировать больница.

Необходимо сказать, что перемещение приюта в Улалинский монастырь имело ряд преимуществ, так как он был хорошо благоустроен: «В обительской ограде находятся все необходимые постройки – рабочая изба, конюшня, скотный двор, погреба, амбары, два двухэтажных дома на кирпичном фундаменте, хлебопекарня и пр.» [13, л. 25–25об.]. В 1904 г. монастырь и приют посетили инспектор ТДК и начальник миссии владыка Иннокентий. Они с радостью отметили, что приют «помещается в большом, хорошо устроенном здании, где две светлые комнаты были заняты под школу, была отдельная столовая и две большие спальные комнаты» [14, с. 10]. Поскольку жилая площадь приюта была расширена, то стало возможным увеличить количество его воспитанников. Если до перемещения в монастырь в приюте воспитывалось не более 35 человек (например, в 1885 г. – 28 [15, с. 204]; 1890 г. – 33 [11, л. 33об.], 1896 г. – 24 [16, л. 38об.]), то с 1904 г. появилась возможность призывать до 50 детей (в 1904 г. – 50, 1905 г. – 47 (29 алтаек и 18 русских) [17, л. 8]; и пр.).

Особенностью сиротских приютов, устраиваемых при женских обителях, являлось то, что они были девичьими. Мальчики воспитывались в приютах от рождения до 8 лет, а затем поступали в пансионы учебных заведений духовного ведомства. Девочки оставались в приютах до совершеннолетия [18, л. 23]. По достижении ими 18 лет они могли поступить в монастырь послушницами или, при желании, выйти замуж [19, с. 23]. Девушкам, выходящим замуж, по возможности собиралось приданое. Например, в 1892 г. «при Улалинском попечительстве собрали до 200 р., на процент которых было определено выдавать пособие одной из сирот, воспитывающейся в Улалинском детском приюте, при выходе ее замуж» [20, с. 15].

Средства на содержание Улалинского приюта, как и всех приютов АДМ, всегда были мизерны. Это частные пожертвования и 400 руб. в год от Православного миссионерского общества. Помогало в обеспечении приюта то, что в его домохозяйстве имелось 39 голов скота. Кроме того, дети вместе с сестрами приюта обрабатывали пашню, сеяли хлеб, до 700 пудов (11,48 т) в год, и убирали урожай [21, с. 130]. Активная работа православного духовенства по привлечению населения к благотворительной деятельности и непосредственный поиск благотворителей на нужды приютов приносили свои плоды. Например, в 1915 г. по завещанию потомственной вдовы почетного гражданина А.И. Конишной поступило 10 тыс. руб. на построение при Улалинском монастыре нового здания для приюта и 20 тыс. руб. на его содержание [22, л. 26].

Чаще всего приюты устраивались на небольшие средства. Чемальский миссионер Петр Бенедиктов

писал: «Мы решили устроить приют, не имея средств, а полагаясь в этом деле исключительно на помощь Божию» [23, с. 373]. Сиротский приют в Чемале был основан в 1896 г. в здании «старой миссии» на следующие пожертвования: от епископа Макария 100 руб., И.Е. Шарова 100 руб., М. Тюменцевой 18 руб., Г. Едельштейна 20 руб. При устройстве приюта жители Чемала жертвовали хлеб, мясо и другие продукты, а беднейшие помогали посильным трудом. Лишь в 1905 г. томским комитетом миссионерского общества было решено выдавать на содержание Чемальского и Чулышманского приютов ежегодное пособие по 200 руб., а с 1906 г. – по 400 руб. Кроме того, в 1906 г. архиепископ Макарий передал в Чемальскую общину 500 руб. от пожертвований по духовому завещанию умершей купчихи Серебрянниковой [17, л. 11об.]. В 1912 г. в журнале «Православный благовестник» писали: «Чемальская обитель очень бедна, терпит много-много нужды. Приют содержится на средства благотворителей, хотя средств поступает весьма мало. Но детишки в приюте чистенькие, жизнерадостные, трудолюбивые, ласковые, набожные, почтительные. Некоторые девочки в 16–18 лет выходят замуж за алтайцев и являются хорошими хозяйками и матерями» [24, с. 178–179].

Благодаря усилиям митрополита Макария (Невского) к 1914 г. приютско-школьный комплекс Чемальской общины представлял собой небольшой городок, на территории которого располагались двухклассная церковно-приходская школа, дом для сестер общины, приют для девочек, дом для мальчиков, одно жилое помещение, церкви. Все постройки соответствовали санитарным нормам того времени. Например, планировка двухэтажного школьного здания была продумана до мелочей: на первом этаже – две кухни, столовая, больничная палата, спальня, бельевая, кладовая, четыре комнаты для учителей и комната для сторожа; второй этаж полностью отвели для учебных занятий – пять классных комнат и большая библиотека. Здание школы было на кирпичном фундаменте, рубленным, под железной крышей и отличалось богато украшенным фасадом [21, с. 143]. На строительство церковно-приходской школы в 1913 г. было выдано 29 тыс. руб. казенных денег и 20 тыс. руб. из личных средств митрополита Макария.

Важно сказать, что владыка Макарий придавал большое значение не только благоустройству приютов и школ в соответствии с существовавшими тогда санитарно-гигиеническими нормами, но и санитарному просвещению воспитанников церковной школы. Так, ученицы Чемальской школы изучали курс «Основы гигиены» [21, с. 143].

Если до строительства новых помещений в Чемальском приюте призревало до 10 детей (например, в 1896–1899 гг. по 8 воспитанников [16, л. 38об.; 25, л. 24об.]), то с постройкой приютских зданий

до 30 детей (например, в 1914 г. – 27 воспитанников, почти все из инородцев [26, л. 14об.]).

Можно утверждать, что пансионное содержание в приютах, как и в учебных заведениях духовного ведомства, комплексно прививало воспитанникам привычку к соблюдению режима дня, правильного питания и личной гигиены. Например, в отчете АДМ за 1913 г. сообщалось о Чемальском приюте: «Дети встают в шесть часов, в семь часов, после утренней молитвы, чай, по окончании которого начинаются занятия девочек в школе. В два часа они обедают. А временем послеобеденным девочки располагают более или менее свободно: кто помогает сестрам по хозяйству, кто колет дрова, кто за водой ходит, а некоторые приучаются вязать, прясть, шить и пр. В пять часов вечера начинаются вечерние занятия – приготовление заданных уроков, в семь часов – ужин, а в восемь вечерняя молитва» [27, с. 17].

Наиболее бедным в АДМ являлся Чулышманский приют, основанный в 1904 г. монахиней Магдалиной (Марией Михайловной Чевалковой, дочерью алтайского миссионера Михаила Чевалкова) и несколькими сестрами из Чемальской общины по инициативе епископа Макария (Невского) [8, с. 36]. После обозрения епархии в 1906 г. владыка Макарий писал в Св. Синод: «Чулышманский приют крайне беден во всем – ни своего помещения, ни скота, а в нем воспитывается до 20-ти инородческих девочек. Вследствие отсутствия помещения дети размещались в одном из монастырских домов, как замечали миссионеры, “не без стеснения иноческой братии”» [28, л. 7об.]. Бедность приюта объяснялась как отдаленным месторасположением от миссионерских станов, так и бедностью Чулышманского мужского монастыря, при котором он был устроен. Монастырь, учрежденный в 1864 г., в разное время страдал от пожаров и наводнений, уцелело только два дома, которые после наводнения 1888 г. были перенесены на более высокое удобное место [11, л. 7].

Исходатайствовав в 1906 г. у совета Православного миссионерского общества ежегодное пособие для приюта в размере 400 руб. и единовременное – 600 руб. из кабинетских сумм, архиепископ Макарий 27 июля с участием братии монастыря определил границы усадебного места для постройки приютского здания, огорода и скотного двора. При владыке также был составлен план для постройки приютского дома. Кроме того, он предложил братии наделить приют достаточным количеством рогатого скота и рабочими лошадьми. Монастырем было передано приюту три коровы, что значительно облегчило содержание детей. Также было решено перенести из с. Усть-Башкоус Бийского уезда в монастырь миссионерскую школу, где один учитель мог обучать и приютских детей, с предоставлением большого запаса учебников [28, л. 7об.]. На летнее время,

до постройки собственного здания, братия монастыря устанавливала для детей юрту. Лишь в 1914 г. для приюта было выстроено новое здание на средства (5 тыс. руб.) митрополита Макария, – лично освященное им летом того же года. В новое здание приюта заселили 16 девочек-инородок [26, л. 14об.]. Особенность Чулышманского приюта состояла в том, что в него принимали не только сирот, но и детей из бедных семей, также относившихся к группе риска по заболеваемости и смертности.

Важно сказать, что в конце XIX – начале XX в. одной из причин устройства приютов для осиротевших детей были массовые эпидемии и другие народные бедствия. Так, после холерной эпидемии 1892 г. осталось много сирот, для которых приюты были основаны при Томском женском монастыре при поддержке епископа, губернатора, градоначальника и горожан, а также в Барнаульской Богородице-Казанской женской общине с первых дней ее существования (община бала основана в 1893 г. в двух верстах от Барнаула по ходатайству епархиального начальства женой коллежского асессора Е.И. Судовской на собственные средства) [29, с. 701]. При Бийском Тихвинском женском монастыре (основанном в 1894 г. близ Бийска) приют для осиротевших детей был устроен после холерной эпидемии 1902 г. [30, л. 34].

В приютах при Богородице-Казанской общине и Тихвинском женском монастыре призревалося ежегодно до 30 девочек – круглых сирот от 7 до 15 лет, которые обучались, как и во всех приютах, в школе [16, л. 30; 17, л. 8–8об.; 25, л. 20; 26, л. 14об.; и пр.].

В приют Томского женского монастыря сначала принимали только девочек, оставшихся сиротами после родителей, умерших от холеры, а потом стали принимать всех круглых сирот и полусирот (за плату от 3 до 5 руб. в месяц). Дети призревались от 3 до 19 лет, разных сословий (например, в 1898 г. в приюте было 55 девочек, из них крестьянских – 23, духовенства – 2, солдатских – 6, инородцев – 1 [31, с. 43–44]), но только из волостей Томского уезда: Спасской, Семилужной и Нелюбинской [31, с. 35]. В приюте в разные годы воспитывалось от 50 до 80 девочек [16, л. 28; 17, л. 7об.; 31, с. 43; 32, с. 83; и пр.]. Количество воспитанниц значительно увеличивалось в годы сильных эпидемий или других народных бедствий. Так, если в 1902 г. призревалося 55 девочек, то после холерной эпидемии к 1903 г. воспитанниц уже было 75 [18, л. 22]. Все дети с 7-летнего возраста обучались в открытой при приюте церковно-приходской школе, а с 11 лет – «изучают всякие рукоделия, сами готовят кушанья, занимаются в огороде, кроят и шьют одежду, платье и белье, моют полы и пр.» [31, с. 44].

С 1898 г. был избран попечительный совет приюта, который собирался до 14 раз в год для решения вопросов, связанных с благоустройством приюта и содержанием детей. Примечательно, что одним из

попечителей являлся ректор Томского университета А.И. Судаков [31, с. 39].

В епархиальном отчете за 1902 г. сообщалось, что «детский приют и дом трудолюбия расположены в специально выстроенных зданиях стоимостью в 25 тыс. р. Двухэтажное здание приюта обширно (276 кв. саж. – 588 кв. м.), сухое и светлое» [30, л. 32]. Приют был оборудован «электричеством, водопроводом, клозетом и прочими удобствами» [26, л. 14об.].

Потребность в призрении сирот значительно увеличивалась не только во время эпидемий, стихийных бедствий, в «голодные годы», но и во время участия России в войнах. Устройству сирот при обителях во время Первой мировой войны способствовал ряд указов: синодальный указ от 30 декабря 1914 г. за №27 об отводе помещений для раненых и больных воинов, нуждающихся после лечения в отдыхе, и об устройстве приютов для детей защитников, павших в бою [33, л. 1–1а]; указы ТДК от 27 января 1915 г. за №9 епархиальным благочинным [33, л. 4] и от 28 января 1914 г. за №2634 настоятельницам монастырей для срочного исполнения указа от 30 декабря 1914 г. за №27 [33, л. 28]. Вследствие этих указов на съезде духовенства Томской епархии в феврале 1915 г. было предложено размещать детей при женских обителях, для чего выяснить предварительное количество сирот, произвести расчет денег на их содержание и разложить по благочинным округам. В отчете съезда записано: «Как бы ни были велики расходы на это дело, духовенство изыщет их с радостью» [33, л. 15об.–16].

В ТДК 31 августа 1915 г. за №690 последовало обращение от председателя Томского губернского отделения комитета по оказанию благотворительной помощи семьям лиц, призванных на войну, «чтобы к делу призрения детей по возможности шире были привлечены православные, в особенности, женские монастыри и обители, с тем, чтобы дети младшего возраста помещались в монастырские ясли, а более взрослые получали бы там ремесленное образование». Причем в обращении отмечалось, что вследствие выполнения указа Синода от 30 декабря 1914 г. «монастыри и духовенство Томской епархии уже сделали почин в организации детского призрения, приняв устройство детских приютов отчасти на собственные средства, отчасти пользуясь пособием из епархиальных и других источников» [33, л. 94–95].

Действительно, настоятельницы монастырей и женских общин, незамедлительно отреагировав на указы Синода и ТДК, уже в феврале 1915 г. в рапортах в ДК сообщали о проводимой работе по размещению и содержанию сирот. Так, игуменья Томского Ионанно-Предтеченского женского монастыря Зинаида сообщала, что в приюте монастыря, отведенном для детей воинов, «в настоящее время находятся на полном содержании 12 девочек в возрасте от 2 до 9 лет и имеется возможность принять еще до 15 человек»

[33, л. 7]. Игуменья Барнаульского женского монастыря Парфения писала, что вверенная ей обитель «с радостью встретила указ консистории и изъявила полную готовность учредить приют для детей на 15–20 человек, девочек и мальчиков, последних не старше 6–7-летнего возраста, приняв на себя полную обязанность по содержанию и воспитанию их за счет обители [33, л. 30]. Настоятельница Николаевского женского монастыря Серафима была готова принять в приют 10 девочек-сирот [33, л. 29]. Игуменья Бийского Тихвинского женского монастыря Ироида извещала о том, что «монастырь не отказывается принимать детей лиц, погибших в бою, сколько возможно. В настоящее время в монастыре на его средства содержится до 40 детей сирот и помещенные бедными и больными родителями. Между этими детьми есть дети погибших на войне». Также в рапорте имелось предложение к епархиальному начальству о том, что если будет выстроено здание для приюта и выданы деньги на его содержание, то «монастырь с полной готовностью возьмется обслуживать приют» [33, л. 25]. Начальница Чемальской женской общины игуменья Людмила докладывала, что «возможно принять пять девочек из детей увечных воинов на средства общины и пять девочек при условии, если на их содержание будут поступать средства из епархиального совета или других источников» [33, л. 26].

Епархиальное духовенство, не имея возможности устраивать приюты в приходах, принимало посильное участие в сборе средств на содержание сирот при женских обителях. Причины, по которым приходские попечительства не имели возможности устраивать приюты, – отсутствие помещений и средств, так как «ввиду войны средства у них совершенно иссякли» [33, л. 31, 44], оказание помощи женам солдат, устройство лазаретов для раненых воинов, яслей в сельской местности на время полевых работ, а главным образом недостаток лиц из прихожан, которые могли бы ухаживать за детьми [33, л. 43]. Хотя в рапорте от 24 февраля благочинного 8-го округа В. Нигровского сообщалось, что при предоставлении средств приюты могли бы быть учреждены при церковно-приходских попечительствах в селах Ояш, Алексеевском, Прокудском и Коченевском Томского уезда, Иткульском Каинского уезда [33, л. 31; 34, с. 174–176, 178, 180]. Благочинный 49-го округа М. Благонадеждин также сообщал, что «учредить приюты возможно было бы в селах Новочихинском, Семеновском и Зеркальском Барнаульского уезда, Бобровском Змеиногорского уезда, но лишь в наемных помещениях и с содержанием на епархиальные средства. Церковно-приходские попечительства благочиния могут оказать поддержку в содержании приютов посредством сбора по приходам хлеба и продуктов питания» [33, л. 57–57об.; 34, с. 540, 543, 544].

Главным образом помощь приходского духовенства заключалась в сборе денежных средств на устройство и содержание приютов. Например, благочинный 17-го округа Барнаула протоирей А. Завадовский сообщал, что «сознавая свой нравственный долг перед жертвами войны, Соборное, Богородское и Покровское попечительства единогласно постановили содержать для осиротевших детей по 1–2 кровати при существующих в г. Барнауле детских приютах до их 15-летия, ежегодно ассигнуя на это от 150 до 300 руб. И только одно Знаменское попечительство поспешилось, ассигновав всего 50 руб., “могли бы найти и больше”» [33, л. 41–41об.; 34, с. 266, 268]. Благочинный 52-го округа М. Красносельский писал в рапорте в ТДК, что священнослужители благочиния поддержали предложение чиновника по крестьянским делам «купить дом в г. Кузнецке для сирот Кузнецкого уезда, в покупке дома и содержании приюта духовенство благочиния обещает принять участие» [33, л. 53]. Духовенство 24 благочиния Бийского уезда высказало мнение о необходимости устройства в уезде одного или двух приютов и «готово... собрать пожертвования среди причта» [33, л. 55об.].

Несмотря на то, что большинство обителей давало скромное содержание призреваемым, особенно когда их количество значительно увеличивалось во время народных бедствий, они получали хорошее воспитание, уход, содержались по всем правилам гигиены и «получали своевременную медицинскую помощь» [26, л. 14об.]. Так, при монастырях имелись больницы, в которых по необходимости приютских детей лечили как амбулаторно, так и стационарно. При Томском женском монастыре в 1899 г. была устроена больница на 6 кроватей и аптека, которой заведовал член врачебной управы доктор П.П. Еланцев [25, л. 19]. В больнице Бийского монастыря также были аптека и при ней сестра милосердия. При Барнаульском монастыре – больница на десять кроватей [22, л. 26]. Улалинский приют изначально находился в одном здании с миссионерской больницей, а после переноса в монастырь помощь приютским детям оказывал улалинский фельдшер и сестры общины, имевшие опыт в уходе за больными.

При учреждении Чемальского приюта устроителей волновало отсутствие в Чемале квалифицированного медработника. Ни у властей, ни у миссии не было средств для содержания врача. Однако в 1898 г. руководство АДМ смогло решить эту проблему. В миссии служил псаломщик П. Лизунов, имевший образование фельдшера. Именно он был направлен в Чемальский стан, где выполнял обязанности фельдшера, оказывая медицинскую помощь как приютским детям, так и местному населению [35, с. 3]. В марте 1918 г. игуменья Людмила, настоятельница Чемальской общины, начала строительство больницы, справляясь со многими организационными и материальными проблемами смутного времени [8, с. 43].

Даже в самом отдаленном и бедном Чулышманском приюте дети не оставались без медицинской помощи. В первые годы существования приюта много времени воспитанницам отдавала сотрудница миссии Ф.П. Безменова. Она исполняла обязанности фельдшера, акушерки, а в свободные от работы часы занималась с детьми, обучая их грамоте и шитью [21, с. 137]. Епископ Анатолий (Каменский) при обозрении АДМ в 1915 г., узнав, что в Чулышманском детском приюте дети часто болеют коклюшем, направил в приют иеромонаха Паония, который был фельдшером до принятия монашества, снабдив его медикаментами [22, л. 17об.]. Следует отметить, что в приютах АДМ медицинская помощь могла быть оказана и миссионерами, которые все без исключения имели походные аптечки. Эффективность деятельности приютов подтверждается тем, что смертные случаи были единичными.

Таким образом, изученные материалы позволяют утверждать, что организация приютов для сирот имела немаловажное значение как в сокращении детской заболеваемости и смертности, так и для распространения санитарных норм в крестьянской среде. Призревая девочек-сирот до совершеннолетия, прививая им основы санитарно-гигиенической культуры посредством содержания в удовлетворительных санитарных условиях, оказания медицинской помощи, а также в образовательном процессе и через трудовое воспитание, РПЦ вносила неоценимый вклад в формирование жизнесохранительного поведения населения, так как воспитывала будущих матерей, способных передать приобретенный опыт окружающим.

Наиболее заметную роль в устройстве приютов на территории Томской епархии в последней четверти XIX – начале XX в. сыграли епископ Владимир (Петров), митрополит Макарий (Невский).

Библиографический список

1. Кудрявцев П.Ф. О детской смертности в населении Тверской губернии и борьба с ней при помощи яслей-приютов. – Тверь, 1900.
2. Караваева Е.В. Подготовка священнослужителей к оказанию санитарной и медицинской помощи сельскому населению в конце XIX – начале XX в. (на примере Томской епархии) // Известия Алтайского государственного университета. – 2009. – № 4/1.
3. Караваева Е.В. Формирование санитарной культуры учащихся духовного ведомства в конце XIX – начале XX вв. (на примере Томского епархиального женского училища) // Сибирский медицинский журнал. – 2008. – Т. 23. – №3. – Вып. 2.
4. Овчинников В.А. Православные монастыри и женские общины Томской епархии во второй половине XIX – начале XX в. – Кемерово, 2004.
5. Владимир (Петров), архиепископ. Улалинская женская община на Алтае // Томские епархиальные ведомости (ТЕВ). – 1904. – №14. Ч. неофиц.
6. Отчет православного миссионерского общества за 1890 г. (21 г. его существования). – М., 1891.
7. Православная богословская энциклопедия / под ред. А.П. Лопухина. – СПб., 1902. Т. 3.
8. Овчинников В.А. Настоятели, настоятельницы и монашествующие монастырей и женских общин Томской епархии (1834–1917) : биографический справочник. – Кемерово, 2003.
9. Государственный архив Томской области (ГАТО). – Ф. 184 (Алтайская духовная миссия). – Оп. 1. – Д. 11.
10. Отчет Алтайской духовной миссии за 1875 г. – Томск, 1876.
11. Российский государственный исторический архив (РГИА). – Ф. 796 (Канцелярия синода). – Оп. 442. – Д. 1364.
12. Отчет Алтайской духовной миссии за 1910 г. – Томск, 1911.
13. РГИА. – Ф. 796. – Оп. 442. – Д. 1593.
14. От Улалы до Чемала и Чепоша. – Томск, 1905.
15. Алтай: историко-статистический сборник по вопросам экономического и гражданского развития Алтайского горного округа / под ред. П.А. Голубева. – Томск, 1890.
16. РГИА. – Ф. 796. – Оп. 442. – Д. 1647.
17. РГИА. – Ф. 796. – Оп. 442. – Д. 2121.
18. РГИА. – Ф. 796. – Оп. 442. – Д. 2002.
19. Отчет Алтайской духовной миссии за 1904 г. – Томск, 1905.
20. Алтайская и Киргизская миссия Томской епархии в 1892 г. – Бийск, 1893.
21. Алдыкова А.П. Монастыри Алтайской духовной миссии во второй половине XIX – начале XX в. – Горно-Алтайск, 2006.
22. РГИА. – Ф. 796. – Оп. 442. – Д. 2737.
23. Бенедиктов П., священник. Приют-богоделня в Чемале (Алтайская миссия) // Православный благовестник. – 1897. – Т. 3. – Кн. 2. – №24.
24. Алтайский П. Алтайская подвижница // Православный благовестник. – 1912. – Т. 1. – Кн. 2. – №4.
25. РГИА. – Ф. 796. – Оп. 442. – Д. 1810.
26. РГИА. – Ф. 796. – Оп. 442. – Д. 2674.
27. Отчет Алтайской духовной миссии за 1913 г. – Томск, 1914.
28. РГИА. – Ф. 796. – Оп. 442. – Д. 2181.
29. Православные русские обители. – СПб., 1909.
30. РГИА. – Ф. 796. – Оп. 440. – Д. 1211.
31. Отчет Детского приюта трудолюбия и дома трудолюбия при Томском Иоанно-Предтеченском женском монастыре за 1898 г. // ТЕВ. – 1899. – №4. – Ч. неофиц.
32. Город Томск. – Томск, 1912.
33. ГАТО. – Ф. 170 (Томская духовная консистория). – Оп. 4. – Д. 521.
34. Справочная книга по Томской епархии 1914 г. / сост. В.А. Карташев. – Томск, 1914.
35. Отчет о состоянии Алтайской духовной миссии за 1898 г. – Томск, 1899.